

**РОЛЬ СМЕШАННЫХ ФОРМ ЧУЖОЙ РЕЧИ
В РОМАНЕ Е. АЙПИНА «БОЖЬЯ МАТЕРЬ
В КРОВАВЫХ СНЕГАХ»**

Г.В. Кукуева

Ключевые слова: хантыйская литература, идиостиль Е. Айпина, речевая организация текста, чужая речь, смешанные формы чужой речи.

Keywords: the Khanty literature, individual style of E. Aypin, speech organization of the text, non-author's speech, mixed forms of non-author's speech.

DOI 10.14258/filichel(2020)1-04

Творчество хантыйского писателя Е. Айпина представляет собой самобытное явление современной литературы, демонстрирующее особую индивидуально-авторскую языковую картину мира. Повествовательная структура произведений писателя характеризуется соединением элементов славянской культуры с этнокультурными традициями хантов. Как отмечают исследователи [Исакова, 2018; Лагунова, 2007; Косинцева, Куренкова, 2010], важное место в эстетике Е. Айпина занимает проблема выбора модели ценностного устройства мира, проверенной и подтвержденной жизнью реального народа, отграничение своей модели от иной («чужой») ценностной модели. Особое место в данной модели отводится языку, на котором пишет автор и на котором говорят и думают его герои. В связи с этим выбор русского языка для изображения своего народа в условиях «смены эпох» – это не выбор чистой модели определенного языка, напротив, как отмечает Ю. Вэлла в «Посвящении читателю», предваряющем книгу Айпина «Белые крики»: «это рожденный процессом жизни “ненецко-хантыйско-русский язык в ненецко-хантыйско-русской форме”» [Вэлла, 1996, с. 8]. Выбор художником слова способа коммуникации также связан с «возможностью через русский язык достигнуть сознания всех своих родственников, живущих в различных концах мира, послать им весть о жизни и вере, сделать это поверх барьеров диалектной раздробленности национальных языков» [Лагунова, 2007, с. 4].

Таким образом, переплетение в художественном слове Е. Айпина двух способов осмысления мира и его интерпретации формирует мозаичность стиля писателя и выдвигает на первое место изучение

стилистических особенностей организации речевой композиции, форм взаимодействия авторской и персонажной речи.

Актуальность данной проблемы продиктована в первую очередь тем, что исследователи творчества писателя акцентируют свое внимание на изучении символики, мотивов, эстетико-философских проблем, типологии героев Е. Айпина [Лагунова, 2007; Косинцева, Куренкова, 2010; Сязи, 2017; Цимбалистенко, 2005]. Языковые особенности рассматриваются в аспекте отражения региональных и национальных констант в идиостиле писателя [Агакишеева, 2016; Исакова, 2018]. При этом практически без внимания оставлена проблема композиционно-речевой организации текстов (подробно об этом см.: [Кукуева, 2018]). Вторым важным фактором служат динамические процессы в сфере синтаксиса художественной речи середины XX – начала XXI веков. Динамика данных процессов, по мнению Е.А. Покровской [2005], Н.Н. Будниковой, О.В. Марьиной [2018], заключается в слиянии или в расчленении единства синтаксического строя высказывания. Несмотря на то, что исследователи описывают данные процессы в проекции на русский художественный прозаический текст, представляется возможным рассмотреть с этой точки зрения также синтаксическую организацию текстов региональной литературы. Творчество русскоязычных писателей ненцев и хантов Западной Сибири последней трети XX века определяется нами, вслед за Т.Л. Рыбальченко и С. Залыгиным, как неотъемлемая часть русской литературы.

В сфере речевой композиции динамические процессы в синтаксисе художественной речи проявились в повышении функциональной значимости конструкций с косвенной и несобственно-прямой речью; в образовании смешанных форм чужой речи, не имеющих явных традиционных синтаксических, пунктуационных и графических сигналов смены речевых субъектов, в устранении речевой партии повествователя или ее слиянии с речью главного героя.

Актуальность выдвигаемой проблемы подтверждается намечившимся в работах айпиноведов противоречием в описании стилистических особенностей произведений автора. Так, например, К. Я. Лагунов отмечает четкую разграниченность речевых зон каждого из героев и автора, правдоподобность речи по лексическому и интеллектуальному критериям (цит. по: [Лагунова, 2007, с. 13]). В работах же О.К. Лагуновой [2007], С.А. Исаковой [2018] говорится об ослабленности разграничения речевых зон автора и героя, о недифференцированности стилей речи в тексте. Исследуя роман

«Божья Мать в кровавых снегах», А. Цукор отмечает: «<...> авторское «я» пронизывает все литературные образы романа, выявляет нерасторжимую внутреннюю связь с его центральным образом – Матерью Детей» [Цукор, 2004, с. 6].

Цель данной статьи: проанализировать смешанные формы чужой речи с точки зрения их роли в стилистике романа Е. Айпина «Божья Мать в кровавых снегах».

Объект исследования – композиционно-речевая структура текста, а именно, речевые партии персонажей и повествователя репрезентируемые конструкциями с прямой, косвенной, тематической, несобственно-прямой речью.

Предметом исследования выступают смешанные формы чужой речи¹, представленные в романе Е. Айпина «Божья Мать в кровавых снегах».

Для проводимого исследования первостепенное значение имеет концепция диалогической природы высказывания М.М. Бахтина, а также теория чужой речи, представленная в работах В.Н. Волошинова, Н.А. Кожевниковой, Г.Н. Чумакова. При работе с текстовым материалом мы опирались на определение чужой речи как «высказывания другого субъекта, первоначально совершенно самостоятельное, конструктивно-законченное и лежащее вне данного контекста. <...> Авторское высказывание, принявшее в свой состав другое высказывание, вырабатывает синтаксические, стилистические и композиционные нормы для его частичной ассимиляции, для его приобщения к синтаксическому, композиционному и стилистическому единству авторского высказывания, сохраняя в то же время, хотя бы в рудиментарной форме, первичную самостоятельность (синтаксическую, композиционную, стилистическую) чужого высказывания, без чего полнота его неуловима» [Волошинов, 1930, с. 113].

В ходе анализа речевых партий повествователя и персонажей романа Е. Айпина «Божья Мать в кровавых снегах» нами было установлено, что репрезентантами «слова» повествователя выступают авторский монолог и ремарка. Персонажная речь реализуется в структуре диалогических и монологических единств. Однако наиболее частотным способом воспроизведения речи повествователя и персонажей являются смешанные формы. В композиционно-речевой структуре романа показательны текстовые фрагменты, в которых

¹ Под смешанными формами чужой речи в работе понимается «совмещение нескольких типов чужого высказывания в рамках отдельно взятого текстового фрагмента» [Кукуева, 2018, с. 73].

представлено совмещение косвенной, тематической, прямой и несобственно-прямой речи.

В данной статье детально проанализируем примеры, наиболее ярко отражающие взаимодействие речевых партий повествователя и персонажей в рамках смешанных конструкций с чужой речью. Отбор текстового материала для анализа производился с учетом 1) принадлежности фрагмента субъектно-речевой сфере повествователя, субъектно-речевой сфере положительного (Мать Детей) или отрицательного (командир красных Чухновский) персонажа, 2) композиционной важности фрагмента в содержании романа, 3) варианта воспроизведения чужой речи.

Центральным образом романа является Мать Детей – Вера Саввична. С одной стороны, она хранительница очага, нежная, кроткая, любящая мать, с другой стороны, волевой, сильный человек, женщина-воин, вставшая на защиту своего рода и своих детей. Внутренняя сила Веры Саввичны просматривается в деталях описания автором ее облика: *«Голова ее с ровным пробором черных волос, сплетенных в две косы, прикрытых цветастым платком, была высоко поднята. Со строгим и непроницаемым выражением она смотрела на тихо бормочущий в чувале огонь. Сидела она неподвижно, словно была высечена из камня. Потом, когда младенец оставил грудь и шевельнулся, она очнулась от своих потаенных мыслей, чуть заметно улыбнулась огню за тепло и склонила голову на дитя, повернув его лицом к очагу. С живою любовью и нежностью она глядела на него»* (Айпин, 2014, с. 96)¹. Лаконичность и сдержанность в описании Веры Саввичны – это своего рода стилистический прием, за которым скрывается манера восприятия мира хантами. В приведенном фрагменте героиня предстает перед читателем как Мать – хранительница очага и продолжательница рода. Внутренняя сила характера героини просматривается в использовании емкой метафоры, указывающей на величавость матери, кормящей ребенка: *«сидела неподвижно, словно высечена из камня»*. На протяжении всего романа просматривается тесная связь образа главной героини с образом иконы Божьей Матери: *«Главарь от неожиданного напора отшатнулся назад и, не выдержав жгучего огня материнских очей, невольно мотнул головой вправо-влево. И тут увидел вторую женщину с ребенком: прижав малыша к правому плечу и призывно подняв левую руку к груди, излучая светлым ликом ровный свет, она кротко и добро смотрела на*

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на текст из списка источников Айпин Е. Собрание сочинений в 4-х тт. СПб., 2014. Т. 4. Божья Мать в кровавых снегах.

него. <...> Он не сразу сообразил, что перед ним **икона Божьей Матери**» (Айпин, 2014, с. 21-22).

Речь героини романа представлена в структуре диалогических (общение с другими персонажами, с детьми) и монологических единств (обращение к Божьей Матери, Хозяину Верхнего мира, к мифическим существам; молитвы, заговоры, плачи по убиенным детям). Особое место в композиционно-речевой организации романа занимают текстовые фрагменты, в которых переплетаются «голоса» автора и героини.

«На стоящей впереди нарте, внутри меховой полости, в люльке спал самый младший – Савва. Мать хотела взять его на руки, чтобы летчик видел: вот, мол, самый младшенький, он еще не ходит, на руках его носим. Не станешь ведь с ним воевать!.. Но Мать не успела вовремя взять Савву на руки. А суетиться было нельзя – это она чувствовала всем нутром. Летчик может подумать, что она вытаскивает из полости нарты ружье и патроны. Нет, надо твердо и уверенно стоять перед красной машиной. Не нужно показывать, что мы боимся красных, что мы виноваты перед ними» (Айпин, 2014, с. 69).

В приведенном фрагменте текста повествование ведется от третьего лица. Задача повествователя – описать действия персонажа: *«На стоящей впереди нарте, внутри меховой полости, в люльке спал самый младший – Савва. Мать хотела взять его на руки <...>»*. Затем речевая партия повествователя дополняется «голосом» героини, вводимой косвенной конструкцией: *«Мать хотела взять его на руки, чтобы летчик видел: вот, мол, самый младшенький, он еще не ходит, на руках его носим. Не станешь ведь с ним воевать!..»*. В рассматриваемом высказывании происходит совмещение косвенной и прямой речи. Эта синкретичная форма чужой речи формально выстраивается по шаблону косвенной речи: имеется частица «мол» в роли союзной скрепы, характерной для придаточного изъяснительного при косвенной передаче чужих «слов». Но сама грамматическая конструкция сохраняет стилистику речи Матери Детей, ее немой диалог с красной машиной звучит как мольба о пощаде (эмоционально окрашенное односоставное определенно-личное предложение *«Не станешь ведь с ним воевать!..»*), и мыслится как точное воспроизведение речевой партии героини конструкцией с прямой речью. Затем степень слияния голосов повествователя и героини усиливается, что проявляется в выборе необозначенной прямой речи: *«А суетиться было нельзя (РЕЧЬ МАТЕРИ) – это она чувствовала всем нутром (РЕМАРКА)»*. Данная конструкция позволяет сохранить

точность и подлинность передачи чужого высказывания. Краткая реплика Матери Детей свидетельствует о глубоком психологизме и внутренней драме героини, ее умении владеть собой в ситуации опасности. Далее речевая партия героини приобретает статус нарративного звена: мысли Матери сконцентрированы на предполагаемом поведении летчика: *«Летчик может подумать (РЕМАРКА), что она вытаскивает из полости нарты ружье и патроны»*. В конце текстового фрагмента в полную силу звучит голос героини, оформленный прямой речью: *«Нет, надо твердо и уверенно стоять перед красной машиной. Не нужно показывать, что мы боимся красных, что мы виноваты перед ними»*. Однако данная конструкция не имеет четких графических и пунктуационных знаков, указывающих на границу между речевыми субъектами – повествователем и персонажем. Переход в область субъектно-речевой сферы героини маркируется личным местоимением *«мы»*, оценочным эпитетом *«красная машина»*, характеризующим отношение Матери Детей к врагу.

Благодаря переходам от одной формы чужой речи к другой организуется динамика слияния «голосов» автора и героини в сторону изображения глубокой психологической драмы Матери Детей.

Смешанные формы чужой речи с доминированием несобственно-прямой речи представлены в романе Е. Айпина как способ передачи внутренней речи, использующейся не только для изображения переживаний и размышлений героини, но и для изображения конкретной картины увиденного. На наш взгляд, наиболее показателен следующий эпизод романа:

*«Человек **УЖЕ** спал вечным сном. Он лежал на животе, голова его была погружена в лунку на льду до самого затылка. Лунка вокруг его головы **ДАВНО** затянулась. Видно, его допрашивали и пытали холодом и водой. <...> Руки, словно два раскинутых крыла, вжаты в утопанный снег. Вокруг лунки вмерзшие в снег, обледеневшие брызги-капли воды с кровавыми сгустками. Мать Детей слышала (РЕМАРКА) – в последние месяцы ходило много слухов, – как красные пытали восставших холодом. <...> Говорили (РЕМАРКА), что особой жестокостью отличался среди красных один, которого называли «судьей с бритой головой» – он сам, без всякого законного суда, решал, кого казнить, а кого миловать»* (Айпин, 2014, с. 139).

Повествование в приведенном фрагменте организуется одновременно двумя субъектно-речевыми сферами: повествователя и Матери Детей. Спаянность субъектно-смысловых линий настолько тесная, что подчас читателю сложно осознать, чья речевая партия

звучит. Важную роль в распознавании нарратора играют дейктические и вводные элементы, средства выразительности, порядок слов в предложениях. Маркерами восприятия увиденной картины глазами героини являются наречия *«уже»*, *«давно»*, указывающие на точный временной интервал случившегося. Знаками ее субъектно-речевой сферы выступают разговорное вводно-модальное слово *«видно»* со значением предположения; эпитеты *«утопанный снег»*, *«кровавые сгустки»*; свойственные народу ханты изобразительно-выразительные средства: сравнение человека с образом птицы *«словно два раскинутых крыла»* и гипертроп (соединение эпитета и плеоназма) *«обледеневшие брызги-капли воды»*; обско-угорская структура предложения: разрыв подлежащего со сказуемым и перенос его в конец предложения: *«Лунка вокруг его головы давно затянулась»*; *«Руки, словно два раскинутых крыла, вжаты в утопанный снег»*; либо отсутствие сказуемого: *«Вокруг лунки вмерзшие в снег, обледеневшие брызги-капли воды с кровавыми сгустками»*.

Собственно авторское повествование представлено в виде ремарочного компонента при тематической и косвенной речи. Именно эти конструкции выбирает писатель для передачи точки зрения необозначенных персонажей в структуре несобственно-прямой речи. Тематическая речь, воспроизводящая лишь в общих чертах чужое высказывание: *«Мать Детей слышала – в последние месяцы ходило много слухов, – как красные пытали восставших холодом»*. Косвенная речь с цитатным вкраплением оценочного характера: *«Говорили, что особой жестокостью отличался среди красных один, которого называли «судьей с бритой головой» – он сам, без всякого законного суда, решал, кого казнить, а кого миловать»*.

Смещение форм чужой речи в рассмотренном текстовом фрагменте свидетельствует о формировании в речевой ткани романа Е. Айпина гибридных форм повествования, «текстовых блоков» [Марьина, 2010, с. 28], характеризующих в целом прозу конца XX – начала XXI веков. Данные формы служат приемом отражения процесса постижения сознания художника сознанием героя. Как отмечает О.К. Лагунова, ядро модели мира героя и автора в эстетике писателя трактуется на основании обязательных связей внутри своего мира [Лагунова, 2007], а мир Веры Саввичны и мир повествователя – это единое целое. Более того, функциональная нагрузка смешанных форм речи при характеристике речевой партии главной героини обусловлена еще и тем, что в хантыйской литературе, как указывает Е.В. Косинцева, «при описании образа матери акцент делается на изображении именно ее внутреннего мира» [Косинцева, 2010, с. 29].

Особое место в романе «Божья Матерь в кровавых снегах» отведено отрицательному персонажу – командиру красных Чухновскому. Он представляет собой сложный образ, в котором объединены безжалостный солдат и командир-философ, размышляющий о смысле войны, революции и ее вождях, о правителях Российской империи: Петре Великом, князе Меншикове. Образ Чухновского выстраивается на основании портретных деталей «*косящий глаз*», «*обмороженное лицо*», «*плосколицый здоровяк*», оценочных номинаций «*командир*», «*глава войска*», «*хозяин-владыка*», «*командир-главарь*», «*вожак*», «*вояка-заспинник*», «*ненавистный захватчик*» и речевой характеристики. Речевая партия данного персонажа чаще всего реализуется прямой речью в составе диалогического единства или бессоюзной косвенной речью. Данные композиционно-речевые формы, во-первых, позволяют экономить речевые усилия, во-вторых, способствуют динамике повествования. Однако нельзя не выделить фрагменты текста, передающие размышления Чухновского. Их синтактико-стилистическая организация отличается использованием смешанных конструкций с чужой речью. Например: «*Красный командир Чухновский, плосколицый здоровяк из уральских пролетариев, гордился тем (РЕМАРКА), что даже внешним обликом смахивал на маршала Тухачевского, с которым когда-то брал Омск, а позже подавлял Тамбовское крестьянское восстание. Там его отряд отличился особым рвением и жестокостью. <...> Еще в Гражданскую, будучи младшим командиром, он впервые испытал это сладостное чувство вседозволенности и превосходства над всеми. Что хочу – то и творю. Вот и взял Березов. Без боя. Завтра пригонят олени упряжки – и возьмет все остальное: реки и озера, селения и урочища, где засели восставшие остяки. Где с боем, где без боя. Он быстро наведет здесь порядок*» (Айпин, 2014, с. 56-57).

В данном примере наблюдается взаимодействие авторского повествования с речевой партией персонажа посредством ввода конструкций с косвенной и рассеянной прямой речью (термин В.Н. Волошинова). При пересказе самохарактеристика героя сохраняет свои первоначальные смысловые акценты, то есть «сохраняет стилистическую физиономию чужого высказывания» [Волошинов, 1930, с. 129], что проявляется в использовании глагола с разговорной окраской «*смахивал*», устойчивых выражений, свойственных речи военных «*брал Омск*», «*подавлял восстание*». Сравнение с Тухачевским, «славные» победы над белыми свидетельствуют о гордости и самолюбии Чухновского. Но на первоначальную

речевую субъективность персонажа накладываются иронические и осуждающие интонации авторского голоса, просматривающиеся в использовании оксюморона «*плосколицый здоровяк*» / «*смахивал обливком на маршала Тухачевского*», оценки «*отряд отличился особым рвением и жестокостью*», «*сладостное чувство вседозволенности и превосходства*». Далее речь персонажа вводится такой модификацией косвенной речи, как рассеянная прямая речь, которая представляет собой цитатные вкрапления, первично принадлежащие субъектно-речевой сфере красного командира: парцелированные конструкции с признаком структурной неполноты свидетельствуют о разговорной манере речевой партии персонажа: «*Вот и взял Березов. Без боя. <...> Где с боем, где без боя*». С точки зрения синтаксической организации и графического оформления цитация ослабляет границы между речевыми сферами повествователя и персонажа, однако в данном случае слияния «голосов» не происходит, напротив, возникает явление речевой интерференции¹, проявляющееся во внутреннем контрасте между тем, какой смысл вкладывает Чухновский в свои действия, и как их оценивает повествователь. В рассматриваемом примере речевая интерференция становится определяющим приемом направления динамики взаимоориентации речевых партий повествователя и персонажей в рамках смешанных форм чужой речи. Ключевой фразой, указывающей на смысловое и экспрессивное несовпадение субъектно-речевых сфер, выступает выражение «*Что хочу – то и творю*». С одной стороны, можно предположить, что эта фраза принадлежит голосу Чухновского, признавшего себя полноправным властителем судеб, с другой стороны, явно чувствуется негативная оценка автора, подкрепленная по тексту высказываниями «*Еще в Гражданскую <...> испытал это сладостное чувство вседозволенности и превосходства над всеми*» / «*Он быстро наведет здесь порядок*».

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

Смешанные формы передачи чужой речи в романе Е. Айпина «*Божья Мать в кровавых снегах*» – наиболее частотный способ взаимодействия речевых линий повествователя и персонажей. Данные формы речи используются для передачи психологического и эмоционального состояния главной героини, выполняют сюжетообразующую роль в романе. Доминирование рассмотренных

¹ Интерференция понимается нами как «одновременная причастность высказывания двум речам, по своей экспрессии различно направленным» [Волошинов, 1930, с. 135].

форм объясняется этическими нормами, заложенными в мировидении хантов: не выражать напрямую собственную точку зрения, не показывать открыто эмоции, не воспринимать себя как главного в модели мира. Именно поэтому в речевой ткани романа «слово» персонажа дается в обрамлении «слова» повествователя, а монолог автора наполняется интонациями героини.

Смешанные формы передачи чужой речи демонстрируют интеграционный процесс в области синтаксиса художественной речи, проявляющийся в синкретизме речевой палитры романа «Божья Матерь в кровавых снегах».

С помощью смешанных форм чужой речи в композиционно-речевой структуре романа рождаются два стилистически важных приема:

1. При воспроизведении речи Матери Детей конструируется сложный образ нарратора, слагающийся из переплетения субъектно-речевых сфер повествователя и главной героини. Данный прием способствует реализации базового принципа поэтики писателя – единению всего близкого и родного.

2. При воспроизведении речи отрицательного персонажа автор прибегает к речевой интерференции, которая помогает высветить непримиримый внутренний конфликт с «чужим» миром, нарушающим первозданную гармонию природы, человека и его рода.

Литература

- Агакишьева У.Д. Лексические черты идиостиля Е. Айпина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2016. №12 (66). Ч. 3.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1930.
- Вэлла Ю.К. Белые крики (Стихи и проза). Сургут, 1996.
- Залыгин С.П. Летописец народа ханты (Предисловие) // Айпин Еремей. Ханты, или Звезда Утренней Зари. М., 1990.
- Исакова С.А. Этнопоэтика ранних рассказов Еремея Айпина (на материале сборника «Время дождей») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2018. №6 (84). Ч. 1.
- Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX-XX вв. М., 1994.
- Косинцева Е.В. Женские образы в ханты-мансийской литературе. Ханты-Мансийск, 2010.
- Косинцева Е.В., Куренкова Н.В. «Все в этом мире от Бога...»: роман Е.Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах». Ханты-Мансийск, 2010.
- Кукуева Г.В. Внутренний монолог рассказчика в текстах региональной литературы (на материале рассказов Е. Айпина) // Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике. Барнаул, 2018.
- Кукуева Г.В. Художественно-речевая структура прозаического текста. Сургут, 2018.

Марьина О.В. Дезинтеграционные процессы в синтаксисе русских художественных текстов рубежа XX-XXI веков (к постановке проблемы) // Филология и человек. 2010. № 3.

Марьина О.В., Будникова Н.Н. Вставка как интеграционный и дезинтеграционный синтаксический процесс // Филология и человек. 2018. № 3.

Лагунова О.К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги): автореф. дис. ... док. филол. наук. Тюмень, 2007.

Покровская Е.А. Чужая речь и диалог в потоке сознания (на материале русской литературы XX века). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chuzhaya-rech-i-dialog-v-potoke-soznaniya-na-materiale-russkoy-literatury-hh-v>

Рыбальченко Т.Л. Интуиция метафизического в прозе В. Распутина // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. Вып. 16. М., 2007.

Сязи В.Л. Художественная концепция любви в прозе Е.Д. Айпина: национальное своеобразие, система образов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ханты-Мансийск, 2017.

Чумаков Г.М. Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев, 1975.

Цукор А. Лишь бы не было лжи и путаницы // Литературная Россия. 2004. № 41 (2173).

Цымбалистенко Н.В. Литературно-художественное осмысление исторических судеб коренных народов северо-запада Сибири (на материале ненецкой и хантыйской литератур): автореф. дис. ... док. филол. наук. СПб., 2005.

Список источников

Айпин Е. Собрание сочинений в 4-х тт. СПб., 2014. Т. 4. Божья Матерь в кровавых снегах.

References

Agakishyeva U.D. *Leksicheskiye cherty idiosilya E. Aypina* [Lexical Features of Idiosilya E. Aypin]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. Tambov. 2016. No. 12 (66). Vol. 3.

Bakhtin M.M. *Eстетика slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Literary Creativity]. Moscow, 1986.

Voloshinov V.N. *Marksizm i filosofiya yazyka. Osnovnyye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke* [Marxism and the Philosophy of Language. The Main Problems of Sociological Method in the Science of Language]. Leningrad, 1930.

Vella Yu.K. *Belyye krika (Stikhi i proza)* [White Cries (poems and prose)]. Surgut, 1996.

Zalygin S.P. *Letopisets naroda khanty (Predisloviye)* [Chronicle of the Khanty People (Preface)]. *Aypin Eremey. Khanty, ili Zvezda Utrenney Zari* [Aypin Eremey. Khanty, or the Star of the Morning Dawn]. Moscow, 1990.

Isakova S.A. *Emopoetika rannikh rasskazov Eremeya Aypina (na materiale sbornika «Vremya dozhdya»)* [Jetonpojetika Early Stories about Jeremy Aypin (on materials of «the time of rains»)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice] Tambov. 2018. No.6 (84). Vol. 1.

Kozhevnikova N.A. *Tipy povestvovaniya v russkoy literature XIX-XX vv.* [Types of Narrative in Russian Literature of the 19th and 20th centuries]. Moscow, 1994.

Kosintseva E.V. *Zhenskiye obrazy v khantyyskoy literature* [Female Images in the Khanty Literature]. Hanty-Manskiysk, 2010.

Kosintseva E.V., Kurenkova N.V. «Vse v etom mire ot Boga...»: roman E. D. Aypina «Bozh'ya Mater' v krovavykh snegakh» [«All in This World from God ...»: Novel by E.D. Aypin *Mother of God in bloody snow*]. Hanty-Manskiysk, 2010.

Kukuyeva G.V. *Vnutrenniy monolog rasskazchika v tekstakh regional'noy literatury (na materiale rasskazov E. Aypina)* [Internal Monologue of the Story-teller in Texts of Regional Literature (on material of stories of E. Aypin)]. *Innovatsionnyye tekhnologii i podkhody v mezhkul'turnoy kommunikatsii, lingvistike i lingvodidaktike* [Innovative Technologies and Approaches in Cross-cultural Communication, Linguistics and Lingvodidaktika]. Barnaul, 2018.

Kukuyeva G.V. *Khudozhestvenno-rechevaya struktura prozaicheskogo teksta* [Art and Speech Structure of the Prosaic Text]. Surgut, 2018.

Lagunova O.K. *Fenomen tvorchestva russkoyazychnykh pisateley nentsev i khantov posledney treti XX veka (E. Aypin, Yu. Vella, A. Nerkagi)* [Phenomenon of Works of Russian-Speaking Writers of Nenets and Khanty of the Last Third of the XX Century (E. Aypin, Yu. Vella, A. Nerkagi)]. Abstract of Philol. Doc. Tyumen, 2007.

Mar'ina O.V. *Dezintegratsionnye protsessy v sintaksise russkikh khudozhestvennykh tekstov rubezha XX-XXI vekov (k postanovke problemy)* [Disintegration Processes in the Syntax of Russian Art Texts of the Turn of the XX-XXI centuries (to the statement of the problem)]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2010. No. 3.

Mar'ina O.V., Budnikova N.N. *Vstavka kak integratsionnyy i dezintegratsionnyy sintaksicheskyy protsess* [Insert as an Integration and Disintegration Syntactic Process]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2018. No. 3.

Pokrovskaya E.A. *Chuzhaya rech' i dialog v potoke soznaniya (na materiale russkoy literatury XX veka)* [Someone Else's Speech and Dialogue in a Consciousness Stream (on material of the Russian literature of the 20th century)]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chuzhaya-rech-i-dialog-v-potoke-soznaniya-na-materiale-russkoy-literatury-hh-v>

Rybal'chenko T.L. *Intuitsiya metafizicheskogo v proze V. Rasputina* [Intuition of Metaphysical in V. Rasputin Prose]. *Tri veka russkoy literatury: Aktual'nyye aspekty izucheniya* [Three Centuries of Russian Literature: Actual Aspects of the Study]. Iss. 16. Moscow, 2007.

Syazi V.L. *Khudozhestvennaya kontseptsiya lyubvi v proze E.D. Aypina: natsional'noye svoyeobraziye, sistema obrazov* [The Art Concept of Love in E.D. Aypin's Prose: National Originality, System of Images]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Hanty-Manskiysk, 2017.

Chumakov G.M. *Sintaksis konstruktivnyy s chuzhoi rech'yu* [Syntax of Designs with Someone Else's Speech]. Kiev, 1975.

Tsukor A. *Lish' by ne bylo lzhi i putanitsy* [If Only There Was No Lie and Confusion]. *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia]. 2004. № 41 (2173).

Tsymbalistenko N.V. *Literaturno-khudozhestvennoye osmysleniye istoricheskikh sudeb korennykh narodov severo-zapada Sibiri (na materiale nenetskiy i khantyskiy literatur)* [Literary and Art Judgment of Historical Fate of Indigenous People of the Northwest of Siberia (on material of the Nenets and Khanty literatures)]. Abstract of Philol. Doc. St. Petersburg, 2005.

List of sources

Aypin E. *Sobraniye sochineniy* [Collected works]. In 4 vols. Vol. 4. *Bozh'ya Mater' v krovavykh snegakh* [Mother of God in bloody snow]. St. Petersburg, 2014.